Лишь много позже в тот же вечер Джон получил возможность как следует поприветствовать отца и младшую сестру в Башне Десницы. Маргери и Эймон последовали за ним, а также Лорас, хотя ему пришлось занять позицию внутри дверей, а не снаружи, чтобы не привлекать к себе ненужного внимания. Джон, честно говоря, предпочитал именно так. Пусть Лорас сейчас и служит в Королевской Гвардии, как бы чуждо это ни казалось, но он тоже член семьи, один из первых людей, кто участвовал в воспитании каждого из детей Джона, его шурин и лучший друг. И все же он стоял молчаливый и мрачный и смотрел, как отец Джона забрал Эймона из рук Маргери и ворковал с младенцем, казалось, полностью поглощенный этим занятием. Арья только на мгновение обратила внимание на ребенка, прежде чем начала приставать к Лорасу с расспросами о его мече и сражениях, а также о том, где прячется Сир Эртур, которого она всегда боготворила.

"Эймон", - сказал отец Джона. "Разве это разумно?"

Арья, с ее идеальным избирательным слухом, посмотрела на него с усмешкой. "Эймон Рыцарь Дракон был добрым, благородным и лучшим рыцарем на свете", - объявила она. "А Робб говорит, что Джон всегда хотел быть им, когда они играли в Винтерфелле".

Джон не мог сдержать приступа нежности в груди, когда смотрел на свою сестру-кузину. Боги, она становилась все больше. "Думаю, я просто должен быть уверен, что приведу ее, когда представлю его Королю", - сказал он своему лорду-отцу с усмешкой. Он сомневался, что Арья знает правду. Но почему-то он должен был верить, что его дражайшая сестра защитит его в любом случае, и мысль об этом была для него дороже всего на свете.

Нед Старк даже слегка улыбнулся, прежде чем его лицо снова стало серьезным. А потом он рассказал им о Бране и его падении, и Джон почувствовал, как что-то внутри него сломалось от этого рассказа. У него никогда не было возможности узнать своего среднего брата хотя бы наполовину так хорошо, как он хотел бы знать, он знал, что Бран хотел вырасти рыцарем, что он хотел сражаться, быть честным и защищать тех, кто не мог защитить себя. Миру нужно было больше таких людей, как он, и теперь Бран был сломлен и заперт в Винтерфелле. Живой, да, но с его ногами, его подвижностью, все его мечты для него потеряны. Словно издалека, он почувствовал, как Маргери крепко сжала его руку, прежде чем она взглянула на отца Джона. "Я поговорю с Уилласом", - сказала она. "Попросите его написать письмо вашему мальчику. Это могло бы пойти на пользу маленькому Брану. Я знаю, что он потерял больше, чем Уиллас, но моему брату тоже пришлось отказаться от многого, и ему пришлось научиться получать удовольствие от того, что он еще мог делать".

Отец Джона благодарно улыбнулся ей и на мгновение крепче сжал ребенка в объятиях. "Благодарю вас, Миледи", - сказал он. "Пожалуй, вы правы". Он выглядел так, будто хотел сказать что-то еще, но странные звуки в комнатах над ними, выше в Башне, прервали его.

Арья засветилась. "Я совсем забыла", - сказала она и тут же исчезла, не успев перевести дух. Не прошло и минуты, как она вернулась. На этот раз Джон сначала подумал, что за ней по пятам следуют три собаки. Прошло несколько секунд, прежде чем он понял, что это были волки. Их конечности были тонкими и неуклюжими, как у щенков, но они были размером с маленьких взрослых собак, которых Джон помнил по псарням Винтерфелла. Лютоволки, внезапно понял он. Как бы невероятно это ни звучало, как бы фантастично и совершенно нереально это ни звучало, он был почти уверен, что его инстинкты не сбивают его с пути истинного. Затем один из них, чисто белый мальчик с красными, подобным тлеющим углям, глазами, прыгнул к нему, и Джон почувствовал, как внутри него что-то встало на место, чего он даже не осознавал.

Арья что-то говорила, но Джон не слышал. Казалось, все, на чем он мог сосредоточиться, это на щенке перед ним, на том, как он молча нюхал его руки и одежду, и убежал, чтобы понюхать Маргери и Эймона, прежде чем вернулся к Джону, высунув язык и сгорая от нетерпения. Это осознание почти причиняло боль. Казалось, уже много лет все, кто знал его по-настоящему, подталкивали его стать драконом. И хотя некоторые из самых благородных людей, которых Джон когда-либо знал, были Таргариенами, некоторые из худших тоже были Таргариенами. То, как этот волк смотрел на него, то, как он положил морду ему на колени, то, как его взгляд говорил о многом, уравновешивая его, хотя он даже не осознавал, что потерял равновесие. Он может быть драконом, и эта его сторона и его родословная могут быть тем, что каждый однажды должен будет увидеть. Но он также был волком, и он будет держать эту часть своих корней близко к сердцу, даже если однажды случится так, что никто больше не назовет его Старком, кроме его собственной головы и языков его самой близкой семьи. Не раздумывая, внезапно почувствовав себя намного моложе своих лет, Джон наклонился и обвил руками шею волка-альбиноса. Отличается от остальных, рассеянно отметил он. И все же очень похож.

Джон, несмотря на то, что затаил дыхание, почему-то совсем не удивился, когда Арья, с лютоволком у ее ног, повторила точно такие же слова, которые она сказала их отцу по поводу имени Эймона, совершенно не смущаясь тем фактом, что теперь перед ней был Король. Она восхваляла качества Эймона Рыцаря Дракона и детское увлечение Джона его легендой, а Король Роберт просто смеялся, как ему показалось, целую вечность, пока баюкал смущенного младенца Джона на руках. Даже когда страх пробирался сквозь тело Джона, все, что он мог сделать, это не трястись от него и кивнуть головой, когда Король Роберт согласился, что Эймон Таргариен действительно был храбрым и преданным, и что любой Король или Лорд может восхищаться рыцарем, достаточно благородным, чтобы отдать свою жизнь за жизнь своего сеньора.

Тем не менее, Джон не мог не чувствовать себя странно грязным после этого. Он использовал свою младшую сестру и ее веру в него, и одна мысль об этом вызывала у него такое отвращение к самому себе, что желудок чуть не выворачивался наизнанку. Что она подумает, когда наконец узнает, кто он на самом деле, что он скрывает в катакомбах и лавовых туннелях Драконьего Камня? Она останется верной, в этом он не сомневался. Но она возненавидит его. Как она могла не возненавидеть? Само существование Джона, все, что с ним связано, должно было стать причиной войны. Его родители стали причиной смерти их с Арьей общих дяди и деда. И, клянусь Старыми Богами, как он мог надеяться на ее уважение и преданность, если правда когда-нибудь выплывет наружу?

"Она любит тебя", - сказала Маргери, когда они вернулись в свои покои, почти читая его мысли, как она всегда делала. "Ты ее старший брат, независимо от крови. Она всегда будет любить и поддерживать тебя". Ее длинные пальцы прошлись по его волосам. "Не волнуйся, Джон. Из всех людей я знаю, с каким уважением сестра относится к своим старшим братьям. Ты ее герой. Ты тот, кем она хочет быть, и кто всегда будет рядом, чтобы спасти ее, если ей это понадобится. Ничто не заставит ее любить тебя меньше".

У Джона были свои сомнения на этот счет. Связь между ним и Арьей отличалась от той, что была у них с остальными братьями и сестрой, хотя они прожили вместе так мало лет. Они были зеркалами друг для друга. Они были похожи внешне - единственные из них, кто действительно выглядел как Старки, даже если их черты и детали окраски отличались - и почему-то всегда противоположны и параллельны, все сразу. Джон иногда думал, что, возможно, в нем было больше волчьей крови, чем ему когда-либо позволяли выразить, что если бы он был вторым законнорожденным сыном с самого начала, он мог бы быть более диким, чем даже его дикая младшая сестра. У Арьи были свободы, которых ему никогда не давали, и наоборот. Они были

одинаковыми и одновременно противоположными, словно зеркала, отражающие то, чем каждый из них мог бы стать при других обстоятельствах. Он не мог по-настоящему объяснить эту связь никому, кто не был ее частью; она существовала с тех пор, как он впервые увидел ее темные волосы и серые глаза, и она схватила его все еще маленькую руку и прикусила его палец много лет назад. И все же каким-то непостижимым образом Маргери, казалось, поняла его, Хотя он не произнес ни слова.

"Обещаю", - сказала она. "Эта девушка такая же твоя сестра, как Лорас мой брат. Ничто и никогда не сможет изменить ее отношение к тебе".

Джон, несмотря на все неприятности и конфликты, которые он предвидел в их будущем, решил хотя бы на мгновение поверить ей. Он подозревал, что всегда будет зажат между двумя домами. Он мог только сделать все возможное, чтобы уважать обоих, подражать тому, что было лучше обоих, и надеяться, что ни один из них не возненавидит его в конце концов.

http://tl.rulate.ru/book/40965/924475